

4. Там же. С. 10.
5. Там же. С. 20.
6. Соколов В. В. Таманское озеро. Отдельный оттиск Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, б/г. № 56. 1919. С. 1.
7. Там же. С. 2.
8. Там же. С. 3.
9. Там же. С. 4.
10. Там же. С. 5.
11. Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников... С. 39–59.
12. Там же.

Z. D. MURTUZOVA. V. V. SOKOLOV' CONTRIBUTION IN THE STUDY OF TAMAN ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS

Article discusses graduate Stavropol Cossack cadet school V. V. Sokolov' contribution, Taman regiment officer in the study of Taman monuments.

Keywords: *V. V. Sokolov' activity, archeological sites, ancient settlements and burial grounds.*

О. В. РАТУШНЯК

КАЗАЧЬЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ЦЕРКОВЬ

В статье анализируется роль церкви в жизни казаков эмигрантов в 1920–1945 гг., актуализируются основные аспекты взаимоотношения церкви и казачества за рубежом.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, казачество, эмиграция, казачье зарубежье.*

Первые выходцы с Дона и Кубани ушли в эмиграцию в апреле 1920 года. После эвакуации из Новороссийска они, в составе российских беженцев, оказались на греческом о. Лемнос в Эгейском море. На 15 июля 1920 года общая численность русских беженцев на острове была около трех с половиной тысяч человек, из которых более половины составляли женщины и дети [1].

Как описывает управляющий отделом народного просвещения Всевеликого войска Донского В. Светозаров: «Из всех духовных запросов на чужбине, в особенности в тяжелой жизненной обстановке, прежде всего в душе беженца заговорил голос религиозного чувства» [2]. С первых же дней своего пребывания на острове с благословения епископа Екатеринославского и Новочеркасского Гермогена была основана церковь. Она располагалась во втором Донском лагере в большой палатке. Вскоре при ней был организован хор под управлением профессора И. В. Татаркина. Впоследствии в силу того, что данная церковь не вмещала всех желающих, была открыта еще одна церковь, где также был организован хор из числа беженцев. В мае 1920 года состоялось большое событие в жизни верующих – церковь посетил греческий митрополит. Тяжелые условия жизни приводили к высокой смертности, особенно среди стариков и детей. Для увековечения памяти погребенных беженцев было решено построить на кладбище небольшую постоянную церковь. Был составлен ее архитектурный проект и начат сбор денег на его осуществление [3]. Однако в скором времени беженцы были переведены с острова и идея постройки церкви так и не нашла своего продолжения.

Позже, осенью 1920 года, на о. Лемнос были высажены казаки, эвакуированные вместе с Русской

армией генерала П. Н. Врангеля. Первоначально это был Кубанский корпус под командованием генерала М. А. Фостикова и часть Терско-Астраханского полка. Впоследствии к ним присоединились казаки Донского корпуса под командованием генерала Ф. Ф. Абрамова.

С первых дней своего пребывания казаки сразу же создавали церкви, которые размещались в палатках и бараках. «Из подсобных материалов сооружались алтари, для иконостасов сдавались личные, семейные иконы. Церкви украшались цветами, любовно вышитыми женами офицеров покрывалами и рушниками. И это притом, что греческие власти выделили для православных русских братьев старинную церковь Святых архангелов в городе Мудрос» [4].

Примерно в это же время за границей оказался Донской имени Александра III кадетский корпус. Корпус был размещен в Египте недалеко от г. Измаилья на берегу Крокодилового озера. Здесь в лагере «стараниями кадет при поддержке энергичного священника отца Дмитрия Троицкого была устроена в одном из барачных церковь». Благодаря усилиям о. Дмитрия Троицкого и Н. М. Верушкина получил свое второе рождение хор, созданный кадетами еще в первые дни пребывания в эмиграции. Особенно большое впечатление служба в церкви и хор произвели на греков, живших в окрестностях лагеря. Несмотря на расстояние, они часто приходили в лагерь, чтобы послушать службу и певчих. Греки часто дарили церкви и хору вещи как религиозного, так и светского характера. Благодаря своей известности и стараниям о. Дмитрия большая часть хора смогли съездить на богомолье в Иерусалим [5].

Интересна история возникновения церкви при Кубанском военном училище имени генерала

М. В. Алексеева. Церковный храм возник первоначально во время пребывания училища на о. Лемнос, куда оно было вывезено с основной массой кубанцев после Крымской эвакуации в 1921 г. Храм получил имя Святого Архангела и Архистратига Михаила в честь покровителя училища и покойного шефа училища генерала Михаила Васильевича Алексеева. Храм размещался в специально выделенной палатке и имел характер лагерьной церкви. В течение почти полугода храм был центром духовной жизни не только училища, но и всего беженского лагеря. Однако летом 1921 года по невыясненным причинам палатка была охвачена пожаром и сгорела дотла. Сохранились только два священнослужительских облачения и несколько богослужебных книг, которые были во время пожара за пределами палатки. Чудом сохранились деревянный крест, венчавший храм и обгорелое Святое Евангелие, которые все последующее время хранились при училище как бесценные реликвии [6].

В скором времени училище было переведено в Болгарию, в городе Тырново-Сеймен. Первоначально служба велась в местном храме. Ее по очереди вели болгарский священник и училищный законоучитель протоиерей о. Дмитрий Трухманов. Училищный хор из юнкеров и офицеров, певший под управлением талантливого регента полковника Андрея Ильича Артемьева, привлекал в болгарскую церковь не только русских, но и болгар, раньше редко посещавших церковь.

Со временем возникла мысль об устройстве своего училищного храма. В начале 1923 года по инициативе начальника хозяйственной части училища полковника А. Н. Чеботаева, с одобрения и разрешения начальника училища генерал-майора О. И. Лебедева и с благословения протоиерея о. Дмитрия Трухманова было начато воссоздание своего училищного храма. К первой неделе Великого поста был устроен молитвенный дом с несколькими образками, сделанными из бумаги, и двумя красными хоругвями без древков – полученными училищем еще на Лемносе от первого хирургического госпиталя после его расформирования. Затем по распоряжению начальника училища, который глубоко проникся желанием возвести храм к Вербному Воскресению, были выделены на его постройку лесной материал, палатка и деньги в сумме около полутора тысяч левов. Уже ко второй половине Великого поста был сооружен иконостас с царскими вратами и местом на четыре иконы, отгородивший алтарную часть от общего храма. Первоначально на место иконостасных икон были наклеены небольшие бумажные иконки, так как для создания больших икон не хватило выделенных средств. Однако полковник Берегов (Беречев), ктитор соседнего артиллерийского училища, размещавшегося в Софии, передал новоявленному храму во временное пользование четыре прекраснейшие большие иконы с изображением

Спасителя, Богоматери, святого Архангела Михаила и святого Сергия Радонежского. Эти иконы были сразу же вделаны в иконостас. Позже были поставлены престол и жертвенник, а также куплен материал, из которого супруга полковника Чеботаева сшила безвозмездно облачения для этих священных предметов. Заведующий мастерскими училища штабс-капитан Александр Иванович Фоменко совместно с другими мастеровыми сделали красивое и оригинальное паникадило на 12 свечей, древки на хоругви, запрестольный выносной крест, три ставника, два аналоя и гробницу для Священной Плащаницы. И к Вербному Воскресению храм был готов, освящен и в этот же день было совершено первое торжественное всенощное служение. Воссозданный храм стал средоточием многих верующих, располагавшихся в Тырново-Сеймене и его окрестностях. Впоследствии храм Алексеевского училища довольно часто предоставлял церковные сборы на разные благотворительные и патриотические цели [7].

Позднее в связи с тем, что большая часть чинов Кубанского военного имени генерала Алексеева училища переехали из Болгарии во Францию, туда был переведена и походная церковь училища. В ее ремонте и восстановлении принимала участие вся русская колония в городе Риве. При церкви имелись свой священник и хор певчих [8].

Практически в большинстве образовательных учреждениях (и, в первую очередь, в начальных и средних школах русской эмиграции), как и в до-революционной России, велись церковные предметы. И это была не дань традиции, а насущная необходимость с точки зрения самих эмигрантов. Позже, когда многие русские школы за границей были закрыты, дети казаков, посещая образовательные учреждения Франции, Германии и др., в большинстве своем получали дополнительное образование в так называемых приходских школах, где так же большое внимание уделялось религиозному воспитанию.

Важен тот факт, что церковный раскол РПЦ, состоявшийся в конце 1920-х годов «практически не породил проблем на уровне приходов, за исключением тех немногих случаев, когда взгляды священника и паствы расходились или когда два священника с разными мнениями претендовали на одно и то же место» [9]. И если на уровне церковных иерархов и идеологов Русского Зарубежья, раскол породил ожесточенные споры, то основная масса казачества к ним была в целом индифферентна. Главным для казаков-эмигрантов была сама возможность принимать участие в богослужениях, которая в значительной степени являлась значимым психологическим аспектом адаптации к жизни за рубежом.

Интересен и тот факт, что годы советской власти оказались не властны над казачеством, оставшимися на родине, и казаки по-прежнему были олицетворением связи воинства с православной

церковью. В 1943 году часть казаков, отступающих на запад с немцами под натиском Красной Армии, объединились в Казачий Стан. Практически в скором времени после объединения, когда Казачий Стан был размещен в районе города Новогрудок (Белоруссия), здесь сразу же образовались приходы казачьих станиц, позднее объединенные в своеобразную Казачью епархию во главе с протоиереем Василием Григорьевым. Большинство священников прошли с казаками весь тяжелый путь от родных краев до Северной Италии (последнее место пребывания Казачьего Стана до его сдачи в плен англичанам). В каждой казачьей станице были свои священники, а в скором времени при всех полковых штабах были созданы походные церкви и певчие хоры [10]. Священники прошли с казаками весь крестный путь до момента выдачи советским войскам в районе Лиенца (Австрия). Значимым в рамках данной темы является и тот факт, что в день выдачи казаков британскими войсками, священники начали литургию, которая объединила всех – взрослых казаков, женщин, детей. Практически большинство священнослужителей были наравне с другими казаками выданы советскому правительству и испытали все тяготы и лишения советских лагерей. Показательны и следующие примеры, связанные с выдачей казаков советским органам власти. Во многих случаях, когда выдача проходила с применением силы, казаки часто своими телами старались прикрыть женщин, детей и священников. Несмотря на практически безнадежное положение во время выдачи и трудности последующего пребывания в лагерях для перемещенных лиц (тех, кто избежал возвращения на родину), часть казаков сумела сохранить церковные хоругви, которые развевались над Казачьим Станом в дни выдачи. Более того, позднее, уже переехав в США Кубанский войсковой

атаман генерал В. Г. Науменко прикладывал значительные усилия, чтобы разыскать эти хоругви и тех казаков, которые их сумели спасти [11].

Изучение истории пребывания казаков за границей показывает, что церковь играла большую роль не только как социально-адаптационный механизм, но и в сохранении национального самосознания эмигрантов. Православие тесно связывало их с родиной. И не случайно, куда бы ни забрасывала судьба казаков, всюду создавались церкви или часовни. Многие казаки с удовольствием пели в церковных хорах. Причем в Болгарии, Греции и других странах местные жители часто приходили послушать и посмотреть церковную службу в казачьих церквях. В целом православие оставалось неотъемлемой частью культуры и быта казачества за рубежом.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 616. Л. 9.
2. Там же. Л. 62.
3. Там же. Л. 62–67.
4. Решетников Л. П. Русский Лемнос: исторический очерк. М., 2009. С. 32.
5. ГАРФ. Ф. 5935. Оп. 1. Д. 37. Л. 10а–15.
6. Там же. Ф. 6038. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 б.
7. Там же. Л. 2-3а.
8. Там же. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.
9. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 159.
10. Шкаровский М. В. Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция. М., 2006. С. 191, 194.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 60.

O. V. RATUSHNYAK THE COSSACK «MIGR» AND THE CHURCH

Article analyzes the role of the church in the life of the Cossack emigrants in 1920–1945. The main aspects of the relationship between the church and the Cossacks abroad are being actualized.

Key words: Russian Orthodox Church, Cossacks, emigration, Cossack «migr».

Н. Б. АКОЕВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются разные группы исторических источников, позволяющие раскрыть повседневную жизнь казачества.

Ключевые слова: повседневная жизнь, источники, мемуары, периодическая печать, делопроизводственная документация.

Концепт повседневности первыми стали активно использовать зарубежные исследователи.

Предвозвестником подхода стал Э. Гуссерль, который проанализировал феномен человеческого